

— Почему мне с самого начала всё нравилось в этом занудном Деве? Почему я чувствую возбуждение, когда вижу его раздетым? Почему при виде его страданий у меня наворачиваются слёзы на глаза, и мне так отчаянно хочется принять его боль на себя? Да это же вообще не мои эмоции!

— Э-э...

Какой проникательный Хозяин, раскусил так быстро. Система немного растерялась и, протупив с минуту, выдала прежний сухой и бесстрастный электронный голос:

— Быть может, Хозяин незаметно для себя проникся симпатией к Деве?

— Да брось ты, я тебе не Телец! — с этими словами Фу Цзюньяо сорвал с запястья Браслет созвездий. — Говори правду, иначе тест на этом закончится, и прямо сейчас я швырну тебя в плавильню! В худшем случае погибнем оба!

— Только не это, умоляю!

Система прекрасно знала, что Фу Цзюньяо вполне способен провернуть подобный трюк, и поспешила пойти на уступку:

— Ладно, так и быть, скажу! Но учти, это коммерческая тайна Цзиньцзяна, так что с тебя подписка о неразглашении!

Фу Цзюньяо закатил глаза:

— Я вообще-то в виртуальном мире, кому тут разглашать-то?

Система подумала — и впрямь, логично, — а потому выложила всё как есть:

— Помимо каркаса мира, предоставленного Техническим отделом, в этот раз в тестовое тестирование вшита совершенно новая разработка Отдела исследований — Система эмпатии. Все эти странные ощущения вызваны её воздействием. Это нормальное явление, Хозяину не о чем беспокоиться.

— Система эмпатии? Что за чёрт! — взбесился в своём сознании Фу Цзюньяо.

Бесстрастный голос вновь зазвучал в его голове:

— Как следует из названия, она переносит чувства прежнего владельца на Хозяина. Благодаря этому Хозяин перестаёт быть просто сторонним зрителем, получающим чужие воспоминания,

а начинает по-настоящему сопереживать. Система всё ещё находится на стадии тестирования, никаких побочных эффектов пока не обнаружено. Как только Хозяин завершит задание и покинет этот мир, Система эмпатии автоматически отключится.

— ... — Твою мать, чего ж ты раньше-то молчало!

Система бормотала себе под нос:

— Так вы и не спрашивали раньше...

— ... — Да чтоб тебя!

— ???

В голове раздался холодный и механический голос. Ошеломлённый Фу Цзюньяо попытался подскочить и заорать: Какого чёрта?! — но обнаружил, что перед глазами непроглядная тьма, а сам он не может пошевелить ни единым суставом.

Собеседник, похоже, уловил его мысли, и монотонный голос прозвучал снова:

— Из-за удара током Хозяин попал в новейшую закрытую бета-версию Системы созвездий Цзиньцзяна. Чтобы вернуться в реальный мир с помощью силы созвездий, ему необходимо выполнить все задания системы, покорить все двенадцать знаков и зажечь Звездную карту.

— Хах, — Фу Цзюньяо попытался изогнуть бровь в самоуверенном жесте и одарить всех дьявольской усмешкой, но выяснил, что не в силах даже приподнять веки. До чего же тоскливо. — А если я откажусь их покорять?

— Если задание не будет выполнено, Хозяин навсегда останется заперт в системе.

Черт побери, да это же чистой воды навязывание услуг! Система тестирования по созвездиям от Цзиньцзяна наверняка дело рук тех психов из Технического отдела. Не исключено, что этот ублюдок Шэнь Юэ нарочно подстроил всё, чтобы досадить ему. Чтоб его самого тибетский мастиф драл! Будь у него возможность, он бы век не вылезал отсюда, лишь бы первым делом раскроить череп этому ублюдку Шэню!

— Желает ли Хозяин запустить первое задание созвездия? — вновь осведомилась система.

Фу Цзюньяо мысленно закатил глаза:

— Да.

— Дзинь-дон! Звездная карта Девы активирована! Пожалуйста, помогите представителю созвездия Девы возродить былое величие семьи и станьте его возлюбленным.

Двусторонняя система, сочетающая в себе и любовную линию, и сюжетную $\Gamma(\nabla\text{L})\Gamma$ — мысленно связал Фу Цзюньяо.

Сразу после этого перед глазами вспыхнула белая вспышка, и он, ошарашенный, распахнул глаза, обнаружив себя внутри старомодной комнаты с антикварным убранством.

Он стоял перед старым деревянным шкафом, верхние полки которого были уставлены рядами выдвижных ящичков, сплошь заклеенных красными бумажками с надписями на традиционных иероглифах: гастродия, атрактилодес, дудник... Похоже, это была Хижина лекарств.

Фу Цзюньяо опустил взгляд: на нём была надета грубая серая одежда из жесткого материала, похожего на мешковину. Что ж, судя по всему, он угодил в тело кого-то из бедняков. Единственным, что совершенно не вязалось с этим простеньким нарядом, был серебряный Браслет созвездий на запястье. Двенадцать знаков — Водолей, Рыбы, Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец и Козерог — образовывали замкнутый круг, сияя так, будто отражали лучи солнца.

Фу Цзюньяо поразился: надо же, эта штукавина увязалась за ним даже сквозь пересечение миров. Неужели она и есть система?

— Дзинь-дон! Хозяин угадал верно: браслет служит датчиком энергии созвездий. Как только Хозяин зажжет все двенадцать знаков, Звездная карта перезапустится, и Хозяин сможет вернуться в реальный мир.

— ...

Фу Цзюньяо исподтишка подумал: а что, если разбить эту паршивую цапку? Вдруг удастся вернуться в реальность? Тогда он непременно пожалуется Третьему дяде и велел повесить и выпороть всех безумцев из Технического отдела!

Он уже предавался сладким мечтам о том, как накостыляет Техническому отделу и растопчет Систему созвездий, как вдруг услышал бульканье, а комнату заволочло густым запахом китайских целебных трав.

— Доктор Фу, чего вы застыли? Лекарство же подгорает! — раздался тревожный голос слуги и разом выдернул его из оцепенения.

Фу Цзюньяо присмотрелся: в комнате и впрямь похлопал очаг, отвар в глиняном горшке непрерывно бурлил, выпуская клубы пара и грозя сорвать крышку, а некогда бурый глиняный сосуд уже обуглился до черна.

Он бросился вперёд в два-три шага и едва успел коснуться горшка, как тут же обжёгся до волдырей:

— Мамочки мои, чёрт бы побрал эту жару!

Фу Цзюньяо отдернул руку и принялся отчаянно дуть на покрасневшие пальцы. К счастью, ожог оказался несерьёзным.

— Ой, доктор Фу, что с вами сегодня? Руки-ноги не слушаются! Господин ведь ждёт! — Слуга сам подскочил к очагу, подхватил горшок, обернув его тряпицей, и озадаченно спросил: — Доктор Фу, а сколько за раз давать-то?

— А? — Фу Цзюньяо опешил, но в голове тут же зазвучал голос системы: — Выпарить пять чаш воды до одной, за один раз давать две трети.

Он поспешно повторил слова системы и собственноручно отмерил две трети отвара в пиалу. На поверхности чернильно-чёрной жижи плавали белые пузыри, а в нос ударил резкий, горький запах лекарственных травок. У Фу Цзюньяо сердце ухнуло в пятки: неужели этот подгоревший отвар ещё годится для спасения людей?

— Доктор Фу, пойдёте скорее, господин уже заждался! — поторопил его слуга, едва ли не волоком вытягивая за собой.

Фу Цзюньяо ничего не оставалось, как испуганно семенить следом, попутно пытаясь собрать в кучу разбежавшиеся мысли и принять воспоминания этого тела.

— Братец Фу, там лежат мои израненные и отравленные братья. Зрелище жутковатое, так что приготовься заранее.

Чэн Цзинсюань с невозмутимым видом сделал жест, приглашая войти:

— Ничего страшного, ведите, братец Чжу.

Чжу Чэнчжан толкнул створку, та со скрипом отворилась, качнувшись на петлях. Дверь была свежевыкрашенной, но в последние дни число пациентов возросло, и её попросту расшатали.

За дверью обнаружился узкий и длинный коридор длиной шагов в пять. Едва переступив порог, они ощутили удушающий смрад, от которого оба спутника невольно затащили дыхание.

В конце коридора располагалась просторная горница размером с современную гостиную, набитая людьми — человек семьдесят-восемьдесят. Ни столов, ни стульев не было и в помине, весь пол устилал лишь единственный слой войлочных ковров. Одни лежали ничком, другие

сидели прислонившись к стенам, тела теснились вповалку, люди вдыхали углекислый газ друг друга, покрытые с ног до головы гноящимися ранами, а запекшуюся кровь на лицах никто даже не смыл.

Ни стонов боли, ни отчаянных криков. Они походили на безликих соломенных чучел, равнодушно взиравших на то, как окружающие медленно разделяют их ужасную участь, покорно ожидая приговора смерти.

Фу Цзюньяо судорожно втянул воздух и чуть не задохнулся от удушливого смрада.

— Почему им не промывают раны и не проветривают помещение? Неужели в усадьбе Цинцао так принято обращаться со своими людьми? — разъярился Чэн Цзинсюань.

Чжу Чэнчжан поморщился так, будто проглотил целый корень горечавки, и лишь спустя долгое время смог выдавить из себя:

— Первым делом мы пытались промывать раны, но стоило затронуть поврежденные места, как у братьев тут же начиналось нагноение. От любой капли воды плоть расползалась, симптомы возвращались снова и снова, и никакие мази не помогали затянуть раны. Мы обошли больше десятка лекарей, и все твердили, что это яд, но вылечить так никто и не смог. Со временем всё зашло вот так далеко.

Услышав это, Чэн Цзинсюань шумно выдохнул, но воздух застрял тяжелым комком в груди.

Чжу Чэнчжан с покрасневшими глазами внезапно рухнул перед ним на колени. На этот раз, сколько Чэн Цзинсюань ни пытался его поднять, тот не сдвинулся с места, так что пришлось принять поклон до земли.

— Братец Фу, вся надежда на тебя!

Сердце Чэн Цзинсюаня сжалось от боли. Он бросил взгляд на стоявшего рядом Фу Цзюньяо, и лицо его обрело невиданную прежде твёрдость и решимость:

— Я, Фу, сделаю всё возможное.

Только тогда Чжу Чэнчжан поднялся, сделал несколько шагов вглубь комнаты и украдкой уткнулся большим пальцем в уголок глаза, после чего зычно крикнул:

— Братья, лекарьшка пришёл!

Эти слова прозвучали словно весть с небес, заронив искру надежды в души каждого. Все присутствующие дружно повернулись к входу. На измождённых лицах, изуродованных долгой

борьбой с недугом, читалось полное уныние, но в глазах вспыхнул живой огонёк — точно тлеющие под толщей льда угли, разжигавшие последние крохи воли к жизни.

— Братец Чжу, эта хворь крайне заразна. Во избежание беды лучше ступайте наружу, а как только что-то прояснится, мы сразу вам сообщим, — произнёс Чэн Цзинсюань.

Чжу Чэнчжан, разумеется, и слышать об этом не хотел:

— Нет-нет! Пусть я не мастак, но хоть в чём-то помочь братцу Фу смогу. Разве дело годится, чтобы вы здесь надрывались, а я шёл дрыхнуть?

Чэн Цзинсюань отмахнулся:

— Братец Чжу зря беспокоится, для мелких поручений у меня есть Сяо Чэн, к тому же помещение и вправду тесное, пользы от вашего здесь присутствия никакой.

— Но...

Фу Цзюньяо немного подумал и произнёс:

— Если братец Чжу и впрямь хочет помочь, пусть принесёт вина, разведенного с реальгардом, да побольше.

— Понял! Сейчас сделаю! Ну, тогда оставляю всё на вас! — с этими словами Чжу Чэнчжан широким шагом выскочил за дверь.

Чэн Цзинсюань с облегчением выдохнул и обвёл взглядом присутствующих, ловивших каждый его жест. Он подошёл к мужчине среднего возраста, пострадавшему сильнее прочих:

— Протяните руку, пожалуйста.

Лицо того просветлело, и хотя безразличие в верхней половине лица ещё не успело сойти, губы в нижней части уже растянулись в улыбку. Он трепещущим движением протянул руку:

— Тружусь... тружусь на благо лекаря.

Чэн Цзинсюань искоса глянул на Фу Цзюньяо, и тот сразу сообразил: выудив из рукава длинную алую нить, он привязал один её конец к запястью больного, а второй зажал в пальцах, улавливая малейшие вибрации пульса, после чего передал нить Чэн Цзинсюаню.

— Доктор, взгляните сами, — тихо проговорил Фу Цзюньяо. — Отравление.

Чэн Цзинсюань принял нить и принялся чинно слушать пульс. Поразмыслив пару мгновений, он нахмурился:

— И впрямь отравление.

Мужчина запаниковал, всё его измождённое тело затряслось. Он казался сухой, надломленной посреди зимы веткой, качающейся на ветру и готовой сорваться в любой момент. Сам того не замечая, больной подался вперёд, пытаясь приблизиться к Чэн Цзинсюаню — словно тянулся к последнему огоньку тепла перед концом.

— Доктор, неужели спасения нет? — он машинально протянул руку, и длинные, запущенные ногти почернели до неузнаваемости.

Инстинкт подтолкнул Фу Цзюньяо сделать шаг вперёд и заслонить Чэн Цзинсюаня, но тот мягко отстранил его и сам перехватил иссохшие руки больного. В этот миг все его привычки — брезгливость, педантичность, привередливость — словно рукой сняло.

Фу Цзюньяо изумлённо вытаращил глаза.

Лицо больного покрывала засохшая кровь, одежда была в грязи, а из зияющих ран сочился гной — зрелище крайне мерзкое и пугающее. Но Чэн Цзинсюань вёл себя так, будто страдал избирательной слепотой: он бережно поддерживал больного за руки, помогая ему опуститься на циновку, и твёрдо произнёс:

— Выход обязательно найдётся.

В этом тихом шёпоте таилась удивительная сила, способная успокоить любую душу.

Спустя некоторое время Чэн Цзинсюань украдкой отвёл Фу Цзюньяо в сторонку и тихо спросил:

— Есть ли у них шанс выжить?

Фу Цзюньяо тяжело вздохнул, чувствуя себя физически и морально истощенным:

— Дело дрянь, но шанс есть.

Лицо Чэн Цзинсюаня слегка разгладилось, а всё тело, напряжённое с самого входа, наконец-то расслабилось.

В голове Фу Цзюньяо мелькнула странная мысль: неужели этот выдох облегчения был из-за

жизней несчастных в комнате, или же из-за того, что он сможет без помех проникнуть в усадьбу Цинцао и отомстить?

— Погодите-ка, — Чэн Цзинсюань обошёл его стороной, аккуратно убрал удочку в угол и трижды вымыл руки едва ли не до локтей, прежде чем взять пиалу. Почувствовав едва теплящееся дно, он догадался, что тот, кто варил снадобье, вероятно, прождал немало времени, осушил отвар залпом и спросил: — Лечебная ванна готова?

Фу Цзюньяо кивнул, повернувшись за полотенцем, но Чэн Цзинсюань его остановил.

— Не нужно.

— А? — Фу Цзюньяо замер и бормотал себе под нос: — Опять упрекает, что руки не вымыл, хотя от него самого за версту разит грязью, а я ещё не жаловался.

Чэн Цзинсюань махнул рукой:

— Нет, просто ступай отдохни.

Сказав это, он неторопливыми шагами сам взял полотенце, и дверь захлопнулась, оставив Фу Цзюньяо за порогом.

Седьмой раз за этот месяц.

Фу Цзюньяо закатил глаза, уселся на крыльце и продолжил мериться взглядами с А-Хуаном. Чем больше он думал об этом, тем сильнее злился: Тьфу, этот барчуган Чэн Цзинсюань едва научился ходить, как тут же отрастил крылья и перестал гонять меня по поручениям!

Лишившись необходимости прислуживать господину Чэну, младший брат Фу вновь возвысился до статуса господина Фу. По идее, радоваться бы надо, но он больше не испытывал прежней гордости от того, что играл роль то трости, то заботливых родителей, а напротив, почувствовал странную опустошённость. Не придумав ничего лучше, он грубо повернул к себе морду А-Хуана и, пытаясь задобрить пса, почесал его за ушами, обращаясь с вопросом:

— А-Хуан, скажи, я ему что, и впрямь опротивел?

Относительно мнения Чэн Цзинсюаня ясности не было, но вот А-Хуан презирало его всей душой. Пёс недовольно тявкнул, мотнул головой, стряхивая руку Фу Цзюньяо, и отвернулся, демонстрируя зад и задранный кверху хвост, после чего лениво разлёгся греться на солнышке.

— Тьфу, неблагодарная собака, — буркнул Фу Цзюньяо и ткнул пальцем в Браслет созвездий: — Эй, система, что за дела? Он даже не даёт мне шанса позаботиться о себе, как же мне теперь

зарабатывать очки симпатии?

Сухой электронный голос отозвался незамедлительно:

— Я всего лишь система, выдающая задания. Конкретные шаги Хозяин должен предпринимать сам.

Господин Фу подобную отповедь принимать не собирался:

— Но ты же могла подсказать хоть что-нибудь!

Бесстрастный электронный голос прозвучал вновь, выдав четыре бездушных иероглифа:

— Ничем не могу помочь.

Глаза Фу Цзюньяо хитро сверкнули, и на его лице мгновенно расцвела улыбка. Он легонько ткнул пальцем в браслет:

— Братец система, ну подкинь хоть крошечную подсказку. Сам подумай: если я провалю задание, мало того что я отсюда не выберусь, так ещё и эта Система созвездий останется недоработанной. К тому же я человек из Цзиньцзяна, наружу ничего не вынесу, тебе-то жалко что ли намекнуть?

Система немного поколебалась и наконец проронила:

— Подсказку ещё нужно поискать самому... Воспользуйся тем, что он принимает лечебную ванну, и тайком загляни в его кабинет.

У Фу Цзюньяо загорелись глаза, и он тотчас припустил к кабинету, в то время как в голове беспрерывно раздавался настойчивый звонок — система выдавала предупреждения:

— Девы до ужаса дотошны. Стоит такому человеку задаться целью, и он выкопает о тебе всё: сколько раз за прошлую жизнь ты пил вино, скольких целул и сколько раз в месяц предавался утехам. Хозяину стоит быть начеку.

Фу Цзюньяо внезапно замер на полуслове:

— Погоди-ка, а почему твой голос сейчас совсем не похож на электронный? И к тому же звучит подозрительно знакомо.

Система никак не ожидала такого поворота, явно опешила и, даже не пытаясь вернуть

прежнее синтетическое звучание, ответила тем же голосом:

— Искусственный интеллект, знаешь ли, настройки голоса можно менять по своему усмотрению.

Фу Цзюньяо не стал забивать себе голову лишними размышлениями и, бросив пару дежурных фраз вроде Наука развита, культура процветает, привычным вором шмыгнул в кабинет Чэн Цзинсюаня.

С тех пор как семья обеднела, у Чэн Цзинсюаня не осталось собственного кабинета. Но раз уж они когда-то принадлежали к роду литераторов, где-то же нужно было читать книги? Слуге пришлось разгородить подсобку: в одной половине по-прежнему сваливали всякий хлам, а в другой поставили стол, разложив на нём кисти, тушь, бумагу и горстку тощих донельзя старых книг.

Это крошечное пространство, обозреваемое целиком за секунду, выглядело так, будто разделено на два мира: один хранил отголоски роскошной и бурной юности Чэн Цзинсюаня, а второй отражал его нынешнюю крайнюю нужду.

Вероятно, под воздействием Системы эмпатии всякий раз при виде этого у Фу Цзюньяо в душе поднималась волна щемящей грусти. Он мотнул головой, отгоняя нахлынувшие чувства, и уверенным шагом прошёл внутрь.

Фу Цзюньяо прекрасно помнил: этим столом пользовались больше десятка лет. Одна из его ножек была подточена крысами, из-за чего она вечно шаталась, и Чэн Цзинсюань подкладывал под неё старые фолианты, из-за чего на каждой книге красовался глубокий круглый след от ножки. Но сегодня всё выглядело подозрительно аккуратным.

С легким сомнением он приподнял край стола и аккуратно вытащил те самые книги, служившие подпорками. На лежавшей сверху первой книге всё ещё виднелся след от ножки, однако на второй он был уже едва заметен, а третья и вовсе оказалась целёхонькой и при этом заметно толще предыдущих двух.

Фу Цзюньяо торопливо принялся листать страницы и действительно обнаружил меж ними несколько аккуратно сложенных вдвое листов белой бумаги. Запомнив, в каких именно томах они прятались, он развернул первый листок.

На нём была изображена удивительно живая и выразительная картина: во дворе стоял мужчина лет сорока-пятидесяти, левая рука заложена за спину, правая приподнимает слегка свернутый свиток старой книги, голова чуть наклонена влево, а взгляд прикован к строкам. Образ увлеченного ученого человека словно оживал на бумаге.

На мужчине красовался тёмно-синий чиновничий халат, а вышитая на груди эмблема в виде дикого гуся четвёртого ранга выглядела настолько детальной, что Фу Цзюньяо с первого же

взгляда узнал его — это был отец Чэн Цзинсюаня, префект Суйчжоу Чэн Цзянь.

У Фу Цзюньяо внезапно перехватило дыхание, с губ непроизвольно сорвалось: Седзинь Чэн! — а в сознании всплыл пласт воспоминаний, которые ему не принадлежали, но оттого не переставали быть родными.

В ту пору маленькому Фу Цзюньяо исполнилось всего семь лет. Он только что пережил потерю обоих родителей: корыстолюбивый дядя под предлогом организации похорон умыкнул последние гроши и старый дом, оставив мальчика в безвыходном положении. Не зная, куда податься, сирота по привычке поплёлся к родителям, чтобы плакать и жаловаться на несправедливость.

Все вокруг твердили, что мама и папа ушли в горы, и он послушно побрёл наверх. Маленькое тельце спотыкалось на крутой горной тропе, но когда он кое-как добрался до вершины, никаких родителей там не оказалось — только два глиняных холмика с выбитыми на табличках именами. Он даже не рыдал: ребёнок в том возрасте ещё не понимал сути разлуки и смерти, он чувствовал лишь растерянность и одиночество.

— А-Яо.

Будто кто-то позвал его?

Маленький Фу Цзюньяо испуганно оглянулся. Тридцатилетний на тот момент Чэн Цзянь поманил его рукой и с мягкой улыбкой произнёс:

— Малыш, иди со мной, больше тебе не придётся скитаться.

Больше не придётся скитаться — пожалуй, в этом и заключался истинный смысл слова дом.

Фу Цзюньяо слабо улыбнулся, чувствуя, как защипало в носу, а следом в голову ворвался новый вихрь воспоминаний.

В залитом суровым светом зале суда старый друг Чэн Цзяня по совместной сдаче императорских экзаменов, господин Фэн, метал грозные взгляды. Судейский молоток со стуком обрушился на стол, и стражники с криком бросились вперёд, ударив Чэн Цзяня под колени так, что тот рухнул на колени прямо посреди зала.

<http://bllate.org/book/20359/2035430>